

**НОВАЯ ЭЛИТА
ДЛЯ НОВОГО
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Май 2020

Новая элита для нового человечества

В начале этого года в прогнозе Института Международных Исследований МГИМО было обозначено четыре сценария развития мира после пандемии. В зависимости от двух ключевых факторов неопределенности (достаточность ресурсов и уровень сотрудничества между странами) были выделены такие сценарии как «новая глобализация», «новая Великая депрессия», «гармония интересов», «каждый – сам за себя». Из выделенных сценариев наиболее вероятным представляется последний сценарий, предполагающий достаточность ресурсов при низком уровне сотрудничества между странами, *когда ставка делается на выигрыш одной стороны за счет проигрыша другой, а предложения на игру с положительной суммой почти не просматриваются.*

Исходя из этого, можно предположить дальнейшую фрагментацию «больших блоков». Поэтому, помимо рассмотрения элит больших игроков (США, КНР, Евросоюз и Россия), как это делается в докладе доцента МГИМО Андрея Безрукова «Перезагрузка глобальных элит», необходимо отслеживать стратегии таких джокеров мировой политики, как Великобритания, Индия, страны Залива (подробнее см. в содокладах конференции Центра исследований политических элит ИМИ МГИМО в рамках исследовательской программы «Элиты будущего»).

Важным дополнительным фактором будущего развития несомненно является реакция элит, стратегия их поведения. Ситуация для правящих элитных кругов на Западе вдвойне сложная. Им надо одновременно удерживать в своих руках и повестку, и рычаги управления национальным государством в условиях все возрастающего давления популистских лидеров и движений, а теперь еще и пандемии нового коронавируса. В последние пять лет мы неоднократно видели, как глобалисты и центристы-представители мейнстрима терпели на выборах сокрушительное поражение. Недавние европейские выборы подтвердили старую истину: если какой-то процесс остановить нельзя, его нужно возглавить. Так, новые лидеры Великобритании и Франции Б.Джонсон и Э.Макрон успешно использовали повестку популистов, а ультра-левые и ультра-правые политики пробили для них брешь в стройных партийных системах, где раньше место им находилось с трудом.

Внутри западных национальных государств зреет не просто новая повестка, но рождается политика, раньше казавшаяся невозможной. Сколь долгим окажется путь к ней, пока сказать сложно, но некоторые ее контуры уже отчетливо видны. Во-первых, это введение права на безусловный доход по гражданству, во-вторых, принудительный рещоринг производств, то есть перевод производств из стран с дешевой рабочей силой обратно в капиталистические страны с кратным сокращением реальных рабочих мест, зато качественно иной роботизацией и экологией производства. В-третьих, переход на геймификацию и виртуализацию социального взаимодействия вместо привычной для XX века социализации на рабочем месте. И в этом аспекте влияние пандемии в ускорении процесса перехода к новым социальным нормам может оказаться крайне серьезным. Кроме того, хотелось бы отметить усиление успешного гражданского экологического давления на бизнесменов и, конечно, ужесточение требований к мигрантам.

Если сравнить рамки, в которых действуют элиты ведущих государств мира, то они также различны. Структурные особенности межэлитного взаимодействия прямо влияют на выработку политики реагирования на кризис.

Так, западные, европейские элиты принимают управленческие решения в рамках деперсонализированных структур национального государства, длительных традиций многопартийности и жесткого давления общественного мнения, в т.ч. направляемого активностью контр-элиты.

Американские элиты дополнительно ограничены серьезными полномочиями региональных элит внутри союза штатов, сравнимых в ряде позиций с суверенными, и, что более важно для внешней политики, непреодолимой партийной сцепкой (Gridlock), которая постоянно сокращает возможности для маневра.

Российские элиты действуют с оглядкой на персонализированные отношения внутри вертикали власти, сложившиеся за 20 лет сильные патрон-клиентские сетевые структуры, но мало обращают внимание на позиции партий и общественное мнение, влияние которых невелико, и хорошо помнят отчетливо негативные эффекты коллапса государственных институтов в 1990-ые годы.

Китайские оперируют в условиях жесткой иерархической посткоммунистической структуры, однопартийности и низкого влияния общественного мнения.

Мы остановимся на подробном рассмотрении оснований российской стратегии, определяющую роль в выстраивании которой играют именно элиты.

Базовые парадигмы российских элит подчеркнута внеидеологичны и формируются скорее на базе подходов к распределению ресурсов. Ниже разберем 5 основных и 5 второстепенных.

5 основных парадигм российских элит

– Олигархическое правление частного крупного бизнеса как оптимальный для его адептов сценарий, предполагающий благотворную для экономики и политики конкуренцию и дающее доступ к глобальным рынкам сотрудничество с Западом. Оформлено в рамку «ностальгии по 90-м – временам расцвета демократии и свободы СМИ» и предполагает культ Бориса Ельцина и либерального ареопага. Идеализированный Запад воспринимается как источник стандартов в условиях кризиса.

Модель подверглась серьезным испытаниям – политическая нестабильность позднего Ельцина и дефолт 1998 года, отказ российскому крупному бизнесу в приобретении стратегических компаний за рубежом, разгром империи «Юкоса», значимое снижение общественной поддержки, затем санкционное давление. Пересмотр стандартов политики на Западе, победа в ряде стран популистских игроков проблематизировала отсылку российских либералов к «идеальному Западу», который стремительно меняется и уже не похож на его «идеальное» изображение.

Крупный бизнес деполитизировался. Участие его представителей в политике стало возможным лишь при кураторстве со стороны одного из членов ближнего круга Владимира Путина – «Политбюро 2.0» (как в случае с недолгим политическим венчуром Михаила Прохорова при покровительстве члена Политбюро 2.0 Сергея Чемезова). Подавляющее

большинство крупных предпринимателей оказывается в орбите того или иного члена Политбюро 2.0¹. Собственники стратегических компаний мимикрируют под «красных директоров» или отраслевых министров времен советского Госплана. Отсутствие реальной элитной базы «либерального проекта» предопределяет электоральный провал либеральных и квазилиберальных партий на протяжении последних 17 лет.

Эта парадигма вытеснена новыми подходами, описываемыми в рамках госкапиталистической модели.

– «Госкорпорации – национальные чемпионы» как локомотивы развития страны. Оформление этого тезиса может быть разнообразным – «православный чекизм», охранительство, «защита отечественного товаропроизводителя», «продовольственная и иные виды безопасности». Примаат государственного и окологосударственного бизнеса внутри Политбюро 2.0 олицетворяют главы «Ростеха» и «Роснефти» Сергей Чемезов и Игорь Сечин. Вокруг каждого из них выстроена разветвленная инфраструктура бизнесов, подкрепленная поддержкой внутри бюрократического и силового аппарата. Главный аргумент оппонентов (якобы высокая затратность при невысокой эффективности) парируется использованием образа внешнего врага.

– «Инфраструктурные проекты как локомотивы развития» Оформление – «патриотичный частный бизнес, действующий в государственных интересах». Носители идеологии - операторы проектов, способные выстроить схему с нуля. В Политбюро 2.0 этот тип игроков на верхнем уровне представлен Геннадием Тимченко, братьями Ковальчуками и Ротенбергами, которые зачастую выступают в качестве внешних кураторов для госкомпаний (в частности, в случае с РЖД). При этом данные игроки исходят из нейтрально-позитивного отношения к внешнему миру. Их идеал – возвращение с внешним миром в режим Business as usual. Однако попадание под санкции со стороны Запада вынужденно переориентирует их на экспансию на внутренних рынках.

– Распределительная бюрократия – идеология значительной части федеральной бюрократии (той, которая не включена в систему продвижения интересов корпораций), и региональных режимов (в первую очередь Москвы). Эффективность процедур воспринимается как самоценность. Провозглашена ориентация на идеальный тип веберовской западной государственной и корпоративной бюрократии. Легитимация политики происходит через внешнюю экспертизу западных структур и их российских аналогов. В этом мире царит культ KPI, «дорожных карт» и систем обратной связи.

– «Технократы» и «двор». «Служилое дворянство» как основной бенефициар режима.

Управление здесь выступает как товар класса менеджеров. Объект управления не имеет значения. Лояльность является предусловием эффективности. Эта идеология является образующей не только для среднего и высшего слоя управленцев, но и значительной части силовиков. Армейская элита, по крайней мере пока, остается вне политики (поэтому, конечно же,

¹ Подробнее см. https://minchenko.ru/analitika/analitika_80.html

странно говорить). Во многом это объясняется как травмой несостоявшихся военных переворотов (кейс генерала Рохлина), так и отсутствием позитивных примеров перехода военных в систему гражданского управления (практически все генералы-губернаторы показали сомнительную эффективность – от братьев Лебедей до Бориса Громова).

Стоит отметить доминирование ФСБ среди других силовых органов и выходцев именно из этой структуры среди «комиссаров» в бюрократической среде. Относительно новая тенденция - выращивание в силовой среде новых персон (адъютанты Путина (Дюмин, Миронов, Зиничев и тд), новый генпрокурор Краснов, первый зам. министра экономического развития М.Бабич) и передача политико-силовой элите изначально несвойственных ей экономических и политических функций.

Нишевые идеологические парадигмы

1. Национальные республики и равняющиеся на них субъекты (из лидеров – Татарстан, Чечня, Белгородская область, Кемеровская область при Тулееве). Формула успеха в лоббировании своих интересов – «демонстративный лоялизм + электоральный ресурс + обозначение внутренних рисков и одновременно умения их удерживать + силовой ресурс (Чечня) + ресурс на внешнем контуре (Чечня, Татарстан)». Риск излишней автономизации элит этих регионов микшируется федеральным центром за счет включения их представителей в состав федеральной бюрократии и в управление другими регионами.

2. Религиозные корпорации (традиционные конфессии + новые игроки). Неформальные группы элит формируются в том числе и на религиозной почве, однако попытки формирования устойчивой элитной группы на основе «политического православия» или «политического ислама» пока скорее следует признать неудачными.

3. «Консерваторы». «Россия как истинный Запад» - «правильный запад послевоенного времени, еще не зараженный духом политкорректности».

4. Каргокультисты. Группы, эксплуатирующие модные за рубежом модели, но пока внутри страны остающиеся в рамках узкой ниши – феминистки, радикальные экоактивисты.

5. Радикальные лоялисты.

К этой категории можно отнести целый спектр групп и движений – от монархистов до «православных сталинистов».

Несмотря на предпосылки формирования в России наследственной аристократии, практически нет попыток создать идеологическое обоснование необходимости существования этого феномена.

В то же время идеологически проработанной и массово внедряемой становится модель «технократической элиты» - формирование сплоченного управленческого слоя из менеджеров от 30 до 50 лет через систему отбора на конкурсах (самый известный

– «Лидеры России»), учебы (самый известный проект – «Школа губернаторов»), тестирования на разных участках работы, выстраивания системы горизонтальной коммуникации между госуправленцами, парламентариями, региональной бюрократией, сотрудниками государственных и окологосударственных компаний, силовиками и, что немаловажно, представителями оппозиционных партий.

Система идет по пути постепенного инкорпорирования влиятельных региональных и политических групп. Питерская команда Владимира Путина начала это делать еще в период его первого президентского срока, последовательно включая в состав элитной коалиции уральцев, нижегородцев, красноярцев, тюменцев и т.д. Происходит инкорпорирование в «единую партию власти» оппозиционеров, вплоть до предоставления им по квоте губернаторских постов.